

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК [94: 395.3 + 929.7](476)«18»
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43>

Поступила в редакцию 12.05.2022
Received 12.05.2022

С. О. Шидловский

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**ДВОРЯНСКОЕ ПОМЕСТЬЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ
В ДОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД: КРЕПОСТНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ
И ПАТРИАРХАЛЬНОЕ ПОПЕЧЕНИЕ НАД КРЕСТЬЯНАМИ**

Аннотация. Рассматриваются традиции патриархального попечения над крестьянами в дворянском поместье на белорусских землях в дореформенный период. Патриархальное попечение интерпретируется как социальный механизм, позволяющий поддерживать минимально приемлемый уровень материального обеспечения крестьян в условиях возрастающей крепостной эксплуатации. Термин «эксплуатация» определяется как процесс присвоения помещиками результатов труда крепостного крестьянства. Указывается, что механизм патриархальной опеки функционировал со значительными ограничениями и был не в состоянии остановить дальнейшую деградацию трудовых ресурсов и хозяйства крепостных.

Отмечается, что система ведения помещичьего хозяйства, сформированная во времена существования Речи Посполитой и сохранившаяся на землях «западных губерний» Российской империи, в течение исследуемого периода находилась в процессе трансформации. Местное дворянское поместье под влиянием общероссийских социально-экономических и политических факторов приобретало новые характеристики и вместе с тем сохраняло свою хозяйственную и культурную специфику, например, низкую степень солидарности в межсословных коммуникациях, что влияло на интенсивность эксплуатации крепостных и характер попечения над ними.

Ключевые слова: поместье дворянство, крепостная эксплуатация, патриархальное попечение, межсословное взаимодействие, сарматизм

Для цитирования: Шидловский, С. О. Дворянское поместье на белорусских землях в дореформенный период: крепостная эксплуатация и патриархальное попечение над крестьянами / С. О. Шидловский // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 35–43. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43>

Siarhei A. Shydloouski

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**NOBLE MANORS IN BELARUS LANDS IN THE PRE-REFORM PERIOD:
SERVITUDE EXPLOITATION AND PATRIARCHAL CARE OF THE PEASANTS**

Abstract. The article analyzes the traditions of patriarchal care of peasants in a noble estate on Belarusian lands in the pre-reform period. Patriarchal care is interpreted as a social mechanism that allows maintaining a minimum acceptable level of material security for peasants in conditions of increasing serf exploitation. The term “exploitation” is defined as the process of appropriation by landlords of the results of the labor of the serf peasantry. It is indicated that the mechanism of patriarchal guardianship functioned with significant limitations and was unable to stop the further degradation of labor resources and the economy of serfs.

It is noted that the system of landlord farming, formed during the existence of the Polish-Lithuanian Commonwealth and preserved in its main features on the lands of the “western provinces” of the Russian Empire, was in the process of transformation during the period under study. The local noble estate, under the influence of all-Russian socio-economic and political factors, acquired new characteristics, and at the same time retained its economic and cultural specifics, for example, a low

degree of solidarity in inter-verbal communications, which affected the intensity of exploitation of serfs and the nature of care for them.

Keywords: landed nobility, serf exploitation, patriarchal care, inter-verbal interaction, Sarmatism

For citation: Shydouski S. A. Noble manors in Belarus lands in the pre-reform period: servitude exploitation and patriarchal care of the peasants. *Vestsi Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2023, vol. 68, no. 1, pp. 35–43 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-1-35-43>

Введение. Под термином «эксплуатация» в контексте данной статьи понимается процесс присвоения помещиками результатов труда крепостного крестьянства. Интенсивность эксплуатации крепостных ограничивалась рациональной потребностью помещичьего хозяйства в воспроизводстве трудовых ресурсов. Однако при развитии товарно-денежных отношений в конце XVIII – первой половине XIX в. усиливалась тенденция к снижению доходности поместий, что приводило к экстенсивному расширению масштабов использования экономических ресурсов крепостного хозяйства, в том числе трудовых. В данных обстоятельствах возрастало значение помещичьего патриархального попечения над крепостными, одной из главных функций которого являлось поддержание минимально приемлемого уровня материального обеспечения крестьян.

Основная часть. В рассматриваемый период крестьянство составляло большинство населения Беларуси (например, на 1858 г. в пяти «западных губерниях» помещичьи крестьяне – это 56 % от общего количества жителей [1, с. 272–274, 292–293]). Однако, согласно признанию К. Тышкевича, известного этнографа и общественного деятеля, «крестьянские жалобы на судьбу» никто слушать не любил [2, с. 141]. Тема попечения над крепостными инициировалась в значительной степени правительственными решениями, например, реформой управления государственными крестьянами П. Д. Киселёва. Сохранялись элементы и местной патриархальной традиции, предполагающей выполнение помещиком в отношении крепостных роли «отца», который мог наказывать зависимых от себя людей и не терять при этом моральной легитимности в глазах своей социальной среды. Так, по воспоминаниям Я. Булгак, его отец-помещик, хотя и повышал голос на челядь, сохранял, однако, репутацию человека «хорошего, справедливого и восприимчивого к людской беде» [3, с. 43].

В образе рыцарей-защитников европейской культуры и христианского народа предстает шляхта в классических текстах рассматриваемой эпохи, например, в поэме А. Мицкевича «Пан Тадеуш» [4]. Именно из подобных истоков современники выводили патриархальный порядок в помещичьем дворе, где барин выступал опекуном крепостных. Стереотипное восприятие личности помещика как «отца челядного», который должен заботиться о дисциплине, нравственности и здоровье челяди, являлось широко распространенным. «Старосветских» хозяек поместья, соответственно, называли «челядными матерями»: живы были предания о «давних временах», когда помещицы садились пряхть кудель вместе с крестьянками [5, с. 287; 6, с. 199].

Патриархальные отношения в белорусской крепостной деревне часто проявлялись в символически-ритуальной сфере, когда, например, помещики становились крестными отцами детей крепостных; при совместном праздновании Жажинок и Дожинок; поздравлении крестьянами барина на именины. Во дворах, где помещики и крестьяне исповедовали одну веру, существовала традиция общей молитвы помещика и челяди, при отсутствии капеллана службу мог проводить сам помещик [6, с. 249; 7, с. 49].

Крестьяне, включенные в патриархальную систему помещичьего двора, демонстрировали «сыновние» чувства к «отцу»-помещику через символизм дара: крепостные время от времени делали барину небольшие подарки, например, преподносили цыпленка или холст; угощали после забора мёда [8, с. 62, 137]. Когда батрак женился на невесте из другой деревни, он выплачивал барину дань – «куницу» – обычно каравай и несколько локтей холста [6, с. 119]. На именины помещика на подарок складывались дворские, функции которых в бедных дворах часто исполняли крестьяне [9, с. 221]. Фрагментарно элементы подобных традиций сохранялись и в пореформенный период [10, с. 98–99].

В среде помещиков встречались примеры по-настоящему гуманных отношений к крепостным, что приобретало широкий общественный резонанс, возможно, из-за своей редкости. Например,

по сведениям К. Тышкевича, «ангелом для своих крестьян» была Роза Парчевская, известная художница [2, с. 167]. Крестьянам могла предоставляться материальная помощь. В разных поместьях существовал свой набор различных видов вспомоществования, хотя и не всегда безвозмездного. Например, крепостным позволялось использовать барских племенных производителей для качественного улучшения стада; во временное пользование могли передаваться тягловые животные; одолажалось зерно для посева; на средства помещика строились крестьянские дома; оплачивались услуги фельдшера и коновала; формировалась аптечка [11, л. 6 об.; 12, л. 15].

Для прогрессивных помещиков примером просвещенного хозяйствования являлась «Павловская республика», существовавшая в 1767–1795 гг. в Павлово (теперь – Шальчининский район Литовской Республики). Поместье принадлежало стороннику теории физиократов Павлу Ксаверию Бжастовскому (1739–1827), который ввел для крестьян систему самоуправления [6, с. 334]. Помещик Игуменского уезда Доминик Монюшко (1788–1848) в поместье Радковщина перевел своих крепостных на оброк; открывал школы, где крестьяне обучались фельдшерской профессии, огородничеству, пчеловодству, животноводству, разнообразным ремеслам. Д. Монюшко стал прототипом пана Подстолича – героя одноименного дидактического романа Э. Массальского [13, с. 45]. Однако в условиях крепостничества без постоянного участия помещика в деятельности крестьянской общины подобные начинания были нежизнеспособны. Поэтому данные примеры социально-экономических преобразований следует расценивать как либеральную форму реализации патриархальных отношений.

Механизм патриархальной опеки функционировал со значительными ограничениями. Он был не в состоянии остановить дальнейшую деградацию трудовых ресурсов и хозяйства крепостных. Так, распространенный в дореформенный период среди белорусов психофизический тип описывался как «низкорослый, малосильный, несообразительный, безразличный и безынициативный» [14, с. 107]. Данную характеристику дополняют впечатления Ю. Крашевского после путешествия по пинскому Полесью: убогий и истощенный, желтый и наполовину голый народ, ободранные евреи, разбитые мосты и гати, непроезжие дороги, крестьянские дома, наполовину врытые в землю, и вместе с тем широкое строительство барских усадеб [8, с. 90]. И. Ляхницкий признавал, что положение местного крестьянства было чрезвычайно тяжелым: «крестьянин Гродненской губернии пребывал в экономическом, физическом и моральном упадке» [15, с. 59]. А. К. Мейер характеризовал крепостных Кричевского графства как бедняков, которые при недостатке зерна «толкут [...] гнилое дубовое из середины дерева и пекут из онаго с прибавлением муки хлебы» [16, с. 95].

В июне 1798 г., когда на белорусских землях начался голод среди крепостных, российское правительство направило Г. Р. Державина в «западные губернии» с инспекцией. По сведениям последнего, у белорусских крестьян не было хлеба, они питались травой с ничтожным добавлением муки или круп. В поместьях Огинских под Витебском крестьян, которые голодали, обязали выплатить хозяину дополнительное денежное взыскание, что лишало их возможности приобрести продукты. После инициирования Г. Р. Державиным дела о взятии деревни графа Огинского под опеку местное панство начало выдавать крестьянам хлеб в долг. Г. Р. Державин также запретил использовать зерно для выгона водки, которую, несмотря на голод, продолжали изготавливать для продажи в помещичьих корчмах. Подобные злоупотребления, согласно свидетельству Г. Р. Державина, имели массовый характер [17, с. 406–408, 414].

В 1831 г. генерал-губернатор Н. Н. Хованский в своей записке к правительству признавал положение белорусских крестьян «оскорбительным для достоинства человека» [18, с. 94]. М. П. Жданов, пребывая в 1838 г. в Витебске, отметил диссонанс между красивыми пейзажами с роскошными храмами и достойным сожаления видом местных «крестьян-белорусцев» с их измученными животными [19, с. 175]. Уже в пореформенный период К. К. Случевский, который путешествовал по Витебской губернии в 1887 г., писал о распространенном среди белорусского крестьянства рабелепии перед помещиком [20, с. 257].

Согласно утверждению П. В. Бобровского, белорусский крестьянин был доведен до «идиотизма и нищеты»: систематическое недоедание в нескольких поколениях отражалось на физическом статусе крепостных. Причины вырождения белорусского крестьянина П. В. Бобровский видел

в особенностях системы шляхетского хозяйствования. Это были издержки чрезвычайно больших объемов барщины и неконтролируемого панского своеволия [21, с. 40; 22, с. 2–3]. Е. Тышкевич склонялся к иной оценке ситуации. По его мнению, размеры повинностей «были освящены традицией» и «редкий помещик их менял»: они включали обязанности крестьян работать в поместье с собственной упряжью «несколько дней в неделю» во время сева, уборку выращенного урожая и косьбу, сбор ягод и грибов; передачу экономии оговоренного количества кур или зерна [23, s. 222]. И. Ляхницкий в отличие от Е. Тышкевича считал, что размер барщины, оброка и других повинностей регулировался только «совестью и здравым смыслом помещика». Однако по отношению к крестьянству, по признанию И. Ляхницкого, панство не имело никаких моральных обязательств [15, s. 59]. Крестьянские поля, как отмечал И. Ляхницкий, возделывались плохо как «по причине крестьянской нерадивости», так и чрезвычайно больших тягот барщины. Автор подчеркивал, что не существовало точно определенных дней отработки, и помещик мог вызывать крестьян на работы в любое время. Барские поля лежали на значительном расстоянии от деревень, из-за чего крестьяне теряли много времени не только на барщине, но и в дороге [15, s. 51]. Только в 40-х гг. XIX в. в ходе проведения инвентарной реформы российское правительство сумело зафиксировать объемы крестьянских повинностей для каждого помещичьего хозяйства [23, s. 222].

Из-за недостатка удобрений уменьшалось плодородие сельскохозяйственных угодий; в неудовлетворительном состоянии находился и тягловый скот крестьян [22, с. 2–3; 21, с. 40]. Согласно подсчетам И. Ляхницкого, в среднем на крестьянский двор в Гродненской губернии приходилось менее одного вола, не хватало лошадей, во многих крестьянских хозяйствах впрягали в сохи коров, что приводило к потерям в молочной продукции [15, s. 53, 59]. Э. Массальский не видел перспектив для улучшения положения крестьян. Реальные изменения, согласно его убеждению, могли происходить только в области морали [24, s. 179]. Писатель среди причин крестьянской нищеты называл недостаточную компетентность помещиков и отсутствие у них заинтересованности в эффективной организации труда крепостных [25, s. V]. Особенно скептически писатель оценивал хозяйственную деятельность помещиц, которые, по его словам, ограничивали свою активность личным контролем над выдачей продуктов для кухни и учетом птицы [14, s. 209]. А. И. Миловидов среди возможных причин тяжелого положения белорусских крепостных называл политические амбиции польского дворянства по возрождению Речи Посполитой, которые требовали дополнительных денежных средств [26, с. 3–4]. Местное дворянство для сохранения своего политического положения в крае шло на невыгодные сделки по выкупу земельных участков у помещиков русского происхождения. Издержки подобных покупок также ложились дополнительным гнетом на крестьянское хозяйство [27, s. 347].

Согласно словам И. Ляхницкого, помещики распоряжались людскими судьбами, систематически оскорбляли человеческое достоинство, вмешивались в личную жизнь, запрещая, например, заключать браки с крестьянами другой деревни. Наихудшее положение, по убеждению публициста, было у крепостных, которые принадлежали мелкой шляхте, лучшее – у государственных крестьян [15, s. 59]. Ю. Крашевский признавал, что «на Руси», где между польским помещиком и крепостным лежали конфессиональные и этнические различия, положение крестьян было наихудшим [8, s. 136]. Э. Массальский считал, что в коммуникациях местного помещика и крестьянина было утрачено чувство национальной солидарности [14, s. 3–4]. Писатель усматривал истоки жестокого отношения шляхты к крестьянам в сарматской теории, которая выводила происхождение привилегированного сословия бывшей Речи Посполитой от сарматов, которые якобы покорили некогда предков крепостных [14, s. 114–115]. Сарматская идеология, актуализированная в первой трети XIX в. местными сторонниками романтизма, обосновывала факт владения крепостными правом народа-победителя и рассматривала белорусское крестьянство как этнически чуждое население [28, с. 57–58].

Индоктринация подобными идеями была, однако, редкостью в помещичьей среде. Общественное мнение выражал скорее Ю. Крашевский, согласно убеждению которого, крестьяне выплачивали барину повинности по той причине, что пользовались помещичьей землей. Перевес отработок над денежными выплатами писатель объяснял неразвитостью экономических отноше-

ний и нехваткой наличных денег. Ю. Крашевский упоминал об эксцессах чрезмерной эксплуатации (личная несвобода, отсутствие собственности, неудовлетворительные бытовые условия жизни, оскорбление человеческого достоинства крестьян), но делал акцент на «взаимной пользе» патриархальных отношений для помещиков и крепостных. По выражению Ю. Крашевского, тяжесть гнёта «польского барина» в денежном эквиваленте «не является самой большой в мире» [8, s. 68].

Для интеллектуально честных представителей местной интеллигенции были очевидными параллели между колониальными практиками Нового Света и местным крепостничеством. Так, Э. Т. Массальский в социальном романе «Пан Подстолич» сравнивал жизнь белорусского крестьянина с судьбой заморского раба [14, s. 108]. У К. Тышкевича вид крестьян Вилейского уезда – «сожженных до черноты солнцем», босых, ободранных, с нечесаными волосами, в бесформенных балахонах из грубого холста – вызывал ассоциации с бесправными жителями полуденных краев [2, s. 78].

Для крепостного населения Беларуси был свойственен высокий уровень смертности. Э. Т. Массальский видел причину этого в «бесчеловечном угнетении», следствием которого являлись изнурительная работа, скверное питание, плохая одежда (дети не имели обуви и зимней одежды), недостаточный присмотр за маленькими детьми, сырые дома, пьянство [14, s. 105–106; 29, s. 182–183]. Однако встречались и прямо противоположные наблюдения. Так, по утверждению Е. Тышкевича, крестьяне Борисовского уезда «физически хорошо сложены, имеют средний рост, здоровые», но вместе с тем они «ленивы, нерадивы с собственностью своей и нечестны с чужой» [23, s. 115].

Местные помещики осознавали тот факт, что представители крестьянства в великорусских губерниях жили лучше, чем крепостной-белорус. Причину данного положения нередко объясняли тем, что русский крестьянин активно занимается ремеслами и торговлей, а белорус «рожден только для сохи» [14, s. 165]. Например, владелец поместья Глубокие Рукшеницы (Глыбочка) Полоцкого уезда Северин Наркевич-Подвинский полностью контролировал экономическую активность своих крепостных, а также их доходы: продажу собственной сельскохозяйственной продукции крестьяне могли осуществлять только после согласования с экономией цен и объемов продаваемого. С баринством крепостные обсуждали цели расходования заработанных денег от извоза. На определенные виды заработков экономия не давала согласия. Все это объяснялось тем, что владелец «старается улучшить состояние и нравственность крестьян» [11, л. 3 об., 4 об., 8].

Объективное отсутствие у местного крепостного населения свободного времени для дополнительных экономических занятий из-за чрезмерной занятости на барщине признавалось, но обосновывалось заботой о самом же крестьянине [14, s. 165]. По мнению Я. Тышкевича, хотя крепостной не свободен в своих передвижениях, но это идет только на пользу крестьянину, ведь барин опекает крестьянскую семью и морально отвечает за все поступки своих подопечных, а также следит, чтобы исполнялись распоряжения правительства о выделении рекрутов и выплате крестьянами налога [23, s. 222].

Помещики с неохотой давали крепостным разрешение покидать деревню с целью заработков, где «крестьянин развращается, делается непослушным», а также «привыкает к бродяжничеству, лени и пьянству» [14, s. 165]. Безусловно, местное население имело заработки при рубке и сплаве леса, а также на выгонке смолы и дегтя, изготовлении поташа, на мочальном, лыковом и лубочном производстве. Однако во времена крепостничества развитие подобных производств нередко способствовало обеднению крестьян, которые эксплуатировались на данных работах за ничтожную плату и отрывались от своих основных сельскохозяйственных занятий [22, с. 13–16]. К. Контрим полагал, что и для помещика польза от направления крепостных на сплав леса сомнительна [30, s. 44].

Многие помещики при наличии леса в поместье экономили на нуждах крестьян. Так, землевладелец С. Наркевич-Подвинский при ремонтных работах предлагал крепостным использовать ветви и глину. Чтобы не расходовать на изготовление плетней жерди и лозу (последняя вместе с хворостом и торфом употреблялась при отоплении крестьянских домов), помещик ввел в имении правило устраивать вместо традиционной ограды земляные валики для обозначения границ крестьянских дворов [11, л. 4, 4 об.]. Дома крепостных часто строились на средства помещиков,

которые удешевляли строительство, отказываясь от дощатого пола и каменного фундамента, что значительно ухудшало гигиенические характеристики помещения [29, s. 192; 14, s. 101]. Так, В. М. Севергин, находясь в 1802–1803 гг. в научной экспедиции, был удивлен широким распространением курных хат в Беларуси при доступности в крае глины и камня [31, с. 43–44]. В то же время избы представителей зажиточной части сельского населения – кузнеца, мельника, органиста, священника, эконома – всегда были более чистыми и комфортабельными [9, s. 5].

Ю. Крашевский писал, что убогий вид жилья и одежды местного крестьянина – это «дань традиции», а не признак настоящей бедности [8, s. 139]. Е. Тышкевич утверждал, что «нищета местного крестьянства кажущаяся» [23, s. 221–222]. По мнению Е. Тышкевича, хотя крестьянские дома имели проваленные крыши и перекошенные заборы, а приусадебные участки выглядели неухоженными и запасов крепостные не делали, тем не менее это не являлось критерием для оценки истинного положения дел в крестьянском хозяйстве [23, s. 221–222]. По сведениям этнографа, белорусские крестьяне «имели отличных лошадей» и большие стада скота; занимались охотой, рыболовством и бортничеством, что позволяло им приобретать украинское зерно. Они также, по убеждению Е. Тышкевича, хорошо зарабатывали на сплаве и перевозке леса: «крестьянину позволяется использовать барский лес» для строительства, отопления и освещения жилья, изготовления инструмента, сбора грибов и ягод [23, s. 115].

Мнение о том, что крестьяне «любят дымный дух», так как дым помогает избежать эпидемических заболеваний, было достаточно распространено среди помещиков «западных губерний». Например, З. Глогер писал, что крестьяне «сами не хотели» избавляться от тесных курных изб, отмечая вместе с тем недостаток у крестьян «жизненных сил» для того, чтобы улучшить свой быт [29, s. 146, 182–183]. Подобная логика присутствовала и у И. Ляхницкого, который объяснял отсутствие труб в крестьянских домах косностью крепостных [15, s. 39]. Тем не менее после отмены крепостничества курные избы в белорусских деревнях уступили место «белым». Так, согласно наблюдениям А. С. Дембовецкого, в Могилевской губернии в 60-х гг. XIX в. крестьяне стали массово устраивать в своих домах печи с трубой [32, с. 474]. Однако З. Глогер не усматривал в данном факте прямую связь с отменой крепостного права. Он считал, что на изменение конструкции крестьянских домов в пореформенный период мог повлиять опыт проживания их хозяев на заработках в Америке [29, s. 186]. Следует отметить, что и в пореформенный период крестьянами при строительстве жилища редко использовался каменный фундамент: крестьянские дома оставались тесными, хлеба – холодными; бани в деревне строились в единичном количестве [18, с. 17, 108].

В публицистике рассматриваемого периода ученые нередко сравнивали положение крестьянства в Речи Посполитой и Российской империи. Например, Ю. Крашевский утверждал, что в Речи Посполитой барин видел в крестьянине «не невольника, а помощника» [8, s. 136]. Данному утверждению противоречит, однако, наблюдение Ф. Карпинского, согласно которому в Речи Посполитой помещики «любви крестьян не искали» [33, s. 141]. Если попытки идеализации времен Речи Посполитой из-за давности лет имели шанс на благосклонное внимание читателя, то подобные сравнения в отношении западных и центральных губерний России были невыгодны для польских публицистов: в сопоставлении с положением великорусского и даже украинского сельского населения деградация условий жизни белорусского крестьянина была очевидной.

Заключение. Помещичье хозяйство на белорусских землях как часть общероссийской крепостной системы в 30–50-х гг. XIX в. вступило в период кризиса. Следствием кризисных явлений стал рост эксплуатации крепостных, что выражалось в распространении таких практик, как увеличение размеров работ на барщине; использование крестьянских сельскохозяйственных инструментов и тяглового скота; оплата за работу алкоголем; навязывание услуг барских мельниц; экономия на строительстве крестьянского жилья; принуждение крестьян к ранним бракам; ограничение мобильности крепостных.

Система ведения помещичьего хозяйства, сформированная во времена существования Речи Посполитой и сохранившаяся на землях «западных губерний» Российской империи, в течение исследуемого периода находилась в процессе трансформации. Местное дворянское поместье под влиянием общероссийских социально-экономических и политических факторов приобрета-

ло новые характеристики, но вместе с тем сохраняло свою хозяйственную и культурную специфику. В частности, одной из особенностей белорусской дореформенной деревни являлась низкая степень солидарности в межсословных коммуникациях, что влияло на интенсивность эксплуатации крепостных и характер попечения над ними.

Представители консервативной части дворянской интеллигенции оценивали положение крестьян в целом как терпимое. Достаточно распространенным было мнение, что причины бедствий крестьянства заключались в свойственных им моральных пороках и негативных внешних влияниях. Усиление эксплуатации обосновывалось заботой о крепостных. Помещики-консерваторы склонны были объяснять бытовые проблемы крестьян особенностями народной традиции, а также итогом экономической деятельности арендаторов. Представители либерального направления считали, что условия труда и быта, а также общий уровень жизни крестьянства находились в прямой зависимости от направленности экономической деятельности помещиков, степени их компетентности и ценностной ориентированности. Однако даже критично настроенные к крепостничеству публицисты склонны были при определенных условиях оправдывать сложившуюся систему отношений между помещиком и крестьянином.

Список использованных источников

1. Статистические таблицы Российской империи / сост. и изд. по распоряжению Министра внутр. дел Стат. отд. Центр. стат. ком. – СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. – Вып. 2: Наличное население империи за 1858 год / ред. А. Бушена. – X, 330 с.
2. Tyszkiewicz, K. Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym / K. Tyszkiewicz. – Drezno: Drukiem i nakładem Józefa I. Kraszewskiego, 1871. – XVI, 362 s.
3. Булгак, Я. Край дзіцячых гадоў / Я. Булгак; пер. з пол. мовы Т. Г. Вяршыцкай. – Мінск: Беларусь, 2004. – 415 с.
4. Шыдлоўскі, С. А. Шляхецкі этас у творах А. Міцкевіча «Пан Тадэвуш» і Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завальня» / С. А. Шыдлоўскі // Acta Albaruthenica. – 2005. – № 5. – С. 177–181.
5. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900–1903. – Т. 1. – 1900. – 316 s.
6. Gloger, Z. Encyklopedja staropolska ilustrowana: w 4 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk P. Laskauera i S-ki, 1900–1903. – Т. 3. – 1902. – 350 s.
7. Янушкевіч, Я. Успаміны (1805–1831) / Я. Янушкевіч; укл., пер. з пол. мовы В. В. Гарбачовай. – Мінск: Лімарыус, 2011. – 256 с.
8. Kraszewski, J. I. Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy / J. I. Kraszewski. – Paryż: Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. – 144 s.
9. Gołębiowski, Ł. Domy i dwory / Ł. Gołębiowski. – Warszawa: Druk. N. Gkücksberga, 1830. – [4], 296 s.
10. Токць, С. М. Сяляне і памешчыкі ў паслярэформеннай Беларусі (1861–1914): характар сацыякультурных адносін / С. М. Токць // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2015. – Вып. 10. – С. 97–108.
11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ у г. Мінску). – Ф. 1628. Воп. 1. Спр. 1138.
12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ у г. Мінску). – Ф. 1628. Воп. 1. Спр. 1292.
13. Шыдлоўскі, С. А. Культура прывілеяванага саслоўя Беларусі: 1795–1864 гг. / С. А. Шыдлоўскі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 168 с.
14. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny: w 5 cz. / E. T. Massalski. – Wilno: W Druk. A. Marcinkowskiego, 1831–1833. – Cz. 2: Szlachcic. – 1831. – 268 s.
15. Lachnicki, I. E. Statystyka gubernii Litewsko-Grodzienskiej / I. E. Lachnicki. – Wilno: Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1817. – X, [2], 88 s.
16. Мейер, А. Описание Кричевского графства 1786 года / А. Мейер // Могилевская старина: сб. ст. «Могилевских губернских ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. – Могилев, 1901. – Вып. 2. – С. 86–137.
17. Державин, Г. Р. Записки. 1743–1812 / Г. Р. Державин. – М.: Тип. А. Семена, 1860. – 502 с.
18. Аникиевич, К. Т. Сенненский уезд Могилевской губернии: опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношениях, с картой уезда, схемой двух озёр и рисунками в тексте / К. Т. Аникиевич. – Могилев: Изд. Могилев. губерн. стат. ком., 1907. – 149 с.
19. Жданов, М. П. Путевые записки по России, в двадцати двух губерниях / М. П. Жданов. – СПб.: В. Поляков, 1843. – 220 с.
20. Случевский, К. К. По Северо-Западу России: в 2 т. / К. К. Случевский. – СПб.: Тип. А. Ф. Маркса, 1897. – Т. 2: По западу России. – [4], 610, XII с.
21. Бобровский, П. О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России / П. О. Бобровский // Вестн. Запад. России. – 1865. – Г. 4, кн. 3, т. 3. – С. 37–64.

22. Бобровский, П. О. Физические и нравственные элементы северо-западных губерний России / П. О. Бобровский // Вестн. Запад. России. – 1865. – Г. 4, кн. 4, т. 3. – С. 1–17.
23. Tyszkiewicz, E. Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowymilekarskim, zdaniemwiadomości: oobyczajach, spiewach, przysłowiaich i ubiorachludu, gusłach, zabobonachitd / E. Tyszkiewicz. – Wilno: Druk. A. Marcinowskiego, 1847. – [10], III, 446, [40] p.
24. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny: w 5 cz. / E. T. Massalski. – St. Petersburg: W Druk. K. Kraja, 1831–1833. – Cz. 4: Ideały. – 1833. – 286 s.
25. Massalski, E. T. Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy : romans administracyjny: w 5 cz. / E. T. Massalski. – Wilno: W Druk. A. Marcinkowskiego, 1831–1833. – Cz. 1: Włościanin. – 1831. – 143 s.
26. Миловидов, А. И. Освобождение крестьян Северо-Западного края и поземельное устройство их при графе М. Н. Муравьеве / А. И. Миловидов. – Вильна: Тип. Св.-Духов. братства, 1901. – 56 с.
27. Niemcewicz, J. U. Podróże historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte / J. U. Niemcewicz. – Paryż: A. Franck; Petersburg: B. M. Wolff, 1858. – XI, 528 s.
28. Шидловский, С. О. Эдуард Томаш Массальский о стратегиях эксплуатации белорусского крепостного крестьянства / С. О. Шидловский // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2014. – № 1. – С. 57–60.
29. Gloger, Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce: w 2 t. / Z. Gloger. – Warszawa: Druk W. Lazzarskiego, 1907–1909. – Т. 1. – 1907. – 383 s.
30. Kontrym, K. Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu / K. Kontrym; wydana przez E. Raczyńskiego. – Poznań: u W. Stefańskiego, 1839. – 72 s.
31. Севергин, В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, учинённые во время проезда через оные в 1802 году... / В. М. Севергин. – СПб.: Тип. Император. Акад. наук, 1803. – [5], 224 с.
32. Опыт описания Могилевской Губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношении: в 3 кн. / под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев: Тип. губерн. правления, 1882–1884. – Кн. 1. – 1882. – [4], 25, 782, [2] с.
33. Karpiński, F. Pamiętniki / F. Karpiński. – Poznań: W. Simon, 1884. – 178 s.

References

1. Bushen A. (ed.). *Statistical tables of the Russian Empire, published by order of the Minister of the Interior by the Central Statistical Committee. Vol. 2. The actual population of the empire for 1858*. St. Petersburg, K. Vul'f Publ., 1863. 330 p. (in Russian).
2. Tyszkiewicz K. *Wilija i jej brzegi: pod względem hydrograficznym, historycznym, archeologicznym i etnograficznym* [Wilija and its shores: in terms of hydrography, history, archeology and ethnography]. Drezno, Drukiem i nakładem J. I. Kraszewskiego, 1871. XVI, 362 p. (in Polish).
3. Bułhak J. *Kraj lat dziecinnych* [The edge of childhood]. Gdańsk, ASP Rymusza, 2003. 287 p. (in Polish).
4. Shydłouski S. A. Noble ethos in the works of A. Mickiewicz “Mr. Thaddeus” and J. Barszewski “Nobles of Zawalnya”. *Acta Albaruthenica*, 2005, no. 5, pp. 177–181 (in Belarusian).
5. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 1* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 1]. Warszawa, Druk P. Laskauera i W. Babickiego, 1900. 316 p. (in Polish).
6. Gloger Z. *Encyklopedia staropolska ilustrowana. T. 3* [Old Polish illustrated encyclopedia. Vol. 3]. Warszawa, Druk P. Laskauera i S-ki, 1902. 350 p. (in Polish).
7. Yanushkevich Y. *Memories (1805–1831)*. Minsk, Limaryus Publ., 2011. 256 p. (in Belarusian).
8. Kraszewski J. I. *Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy* [Memories of Polesie, Volhynia and Lithuania]. Paryż, Nakładem J. K. Wilczynskiego, 1860. 144 p. (in Polish).
9. Gołębiowski Ł. *Domy i dwory* [Houses and mansions]. Warszawa, Druk N. Gkücksberga, 1830. 296 p. (in Polish).
10. Tokts S. M. Farmers and landowners in the post&reform Byelorussian (1861–1914): nature of socio&cultural relations. *Pratsy gistorychnaga fakul'teta BDU: navukovy zbornik* [Proceedings of the historical faculty of BSU: scientific collection]. Minsk, 2015, no. 10, pp. 97–108 (in Belarusian).
11. *National Historical Archives of Belarus (NHAB)*. F. 1628, Op. 1, D. 1138 (in Polish).
12. *National Historical Archives of Belarus (NHAB)*. F. 1628, Op. 1, D. 1292 (in Polish).
13. Shydłouski S. A. *Culture of the privileged class of Belarus: 1795–1864*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2011. 168 p. (in Belarusian).
14. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny. Część 2. Szlachcic* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 2. Nobleman]. Wilno, W Drukarni A. Marcinowskiego, 1831. 268 p. (in Polish).
15. Lachnicki I. E. *Statystyka gubernii Litewsko-Grodzienskiej* [Statistics of the Lithuanian Grodno-Governorate]. Wilno, Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1817. X, [2], 88 p. (in Polish).
16. Meier A. Description of Krichevsky county in 1786. *Mogilevskaya starina: sbornik statei “Mogilevskikh gubernskikh vedomostei”* [Mogilev antiquity: collection of articles “Mogilev provincial journals”]. Mogilev, 1901, iss. 2, pp. 86–137 (in Russian).
17. Derzhavin G. R. *Notes. 1743–1812*. Moscow, A. Semen Publ., 1860. 502 p. (in Russian).
18. Anikievich K. T. *Senno county of the Mogilev province: an experience of description in geographical, historical, ethnographic, domestic, industrial and statistical terms, with a map of the county, a diagram of two lakes and drawings in the text*. Mogilev, Publication of the Mogilev Provincial Statistical Committee, 1907. 149 p. (in Russian).

19. Zhdanov M. P. *Travel notes in Russia in twenty-two provinces*. St. Petersburg, V. Polyakov Publ., 1843. 220 p. (in Russian).
20. Sluchevskii K. K. *In the North-West of Russia. Vol. 2. In the West of Russia*. St. Petersburg, A. F. Marx Publ., 1897. [4], 610, XII p. (in Russian).
21. Bobrovskii P. O. Physical and moral elements of the northwestern provinces of Russia. *Vestnik Zapadnoi Rossii* [Bulletin of Western Russia], 1865, bk. 3, vol. 3, pp. 37–64 (in Russian).
22. Bobrovskii P. O. Physical and moral elements of the northwestern provinces of Russia. *Vestnik Zapadnoi Rossii* [Bulletin of Western Russia], 1865, bk. 4, vol. 3, pp. 1–17 (in Russian).
23. Tyszkiewicz E. *Opisanie powiatu borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim, z dodaniem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiach i ubiorach ludu, guslach, zabobonach itd* [Describing the Borisowo powiat in terms of statistics, geognostics, history, economy, medicine and industry, with information on: customs, singing, proverbs and clothing, folk, witchcraft, superstition, etc.]. Wilno, Drukarnia A. Marcinkowskiego, 1847. 489 p. (in Polish).
24. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny. Część 4. Idealy* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 4. Ideals]. St. Petersburg, W Drukarni K. Kraja, 1833. 286 p. (in Polish).
25. Massalski E. T. *Pan Podstolic, albo, Czém jesteśmy, czém być możemy: romans administracyjny. Część 1. Włościanin* [Mr. Podstolic, or, What we are, what can we be: an administrative romance. Part 1. A peasant]. Wilno, W Drukarni A. Marcinkowskiego, 1831. 143 p. (in Polish).
26. Milovidov A. I. *The liberation of the peasants of the North-Western Territory and their land arrangement under Count M. N. Muravyov*. Vilna, Printing house of the Holy Spiritual Brotherhood, 1901. 56 p. (in Russian).
27. Niemcewicz J. U. *Podróże historyczne po ziemiach Polskich między rokiem 1811 a 1828 odbyte* [Historical journeys in the Polish lands between 1811 and 1828 were made]. Paryż, A. Franck Publ., Petersburg, B. M. Wolff Publ., 1858. XI, 528 p. (in Polish).
28. Shydłouski S. A. Edward Massalsky about operating strategy Belarussian serfs. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarne nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*, 2014, no. 1, pp. 57–60 (in Belarussian).
29. Gloger Z. *Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce. T. 1* [Timber construction and wooden products in old Poland. Vol. 1]. Warszawa, Druk W. Lazarskiego, 1907. 383 p. (in Polish).
30. Kontrym K. *Podróż Kontryma, urzędnika banku polskiego odbyta w roku 1829 po Polesiu* [The journey of Kontrym, an official of the Polish bank, took place in Polesie in 1829]. Poznań, u W. Stefańskiego, 1839. 72 p. (in Polish).
31. Severgin V. M. *Notes of a journey through the western provinces of the Russian state, or Mineralogical, economic and other notes made during a journey through them in 1802...* St. Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1803. [5], 224 p. (in Russian).
32. Dembovetskii A. S. (ed.). *The experience of describing the Mogilev Province in historical, physical-geographical, ethnographic, industrial, agricultural, forestry, educational, medical and statistical terms. Book 1*. Mogilev, Printing house of the provincial government, 1882. [4], 25, 782, [2] p. (in Russian).
33. Karpiński F. *Pamiętniki* [Memories]. Poznań, W. Simon Publ., 1884. 178 p. (in Polish).

Информация об авторе

Шидловский Сергей Олегович – кандидат исторических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: s.szydlowski@psu.by <https://orcid.org/0000-0003-3036-8466>

Information about the author

Siarhei A. Shydłouski – Ph. D. (Hist.), Associate Professor. Center for the Belarussian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surhanov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: s.szydlowski@psu.by <https://orcid.org/0000-0003-3036-8466>